

РАДИ «ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»: К ИСТОРИИ ОСНОВАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА В САРАТОВЕ

В.А. Соломонов

Статья посвящена периоду, предшествовавшему официальному открытию университета в Саратове. Ее хронологические рамки охватывают время с конца 50-х годов XIX века, с момента зарождения идеи создания университета в кругу прогрессивно настроенных саратовцев-интеллигентов, близких к Н.Г. Чернышевскому, до выработки и окончательного утверждения в высших правительственных инстанциях в 1909 году законопроекта о его учреждении.

Идея учредить в Саратове университет впервые зародилась в просветительском кружке передовой местной интеллигенции в начале 1850-х гг.

Сам факт появления в Саратове подобного кружка в указанный период не является, конечно, исключительным, характерным лишь для данного региона. «В водоворот просветительского движения, – как справедливо замечает Г.П. Вульфсон, – были втянуты широкие круги интеллигенции. Здесь мы видим профессоров университетов и духовных академий, учителей гимназий, семинарий и уездных училищ, писателей и публицистов, врачей, инженеров и агрономов, студентов, гимназистов и семинаристов, чиновников, в том числе и «обладающих властью», влиятельных дам «света». ... Активизация общественной жизни наблюдалась повсеместно» [1].

Саратов мало чем отличался от других губернских городов своего времени. Крупным научным и культурным центром он еще не являлся, но благодаря своему выгодному географическому положению и наличию казенных и частных средних учебных заведений, он уже тогда, по свидетельству современников, выглядел «...несравненно лучше, обширнее, люднее и просвещеннее» [2] остальных городов Среднего Поволжья. Важно учитывать также, что именно в 50-е гг. XIX века Саратов из провинциальной «глуши» (по словам грибоедовского Фамусова) превращается в место ссылки разного рода «вольгодумцев» и «бунтовщиков», из-за чего очень скоро попадает в разряд особо неблагонадежных в политическом отношении городов России. «Благодаря ссылке в него политических преступников и привлечению в край людей образованных, в нем уже в ту пору начинает замечаться некоторый оттенок прогрессивного направления. 50-е годы, – заключает П.Л. Юдин, – составляют в жизни его едва ли не самый блестящий период умственного подъема людей мыслящих» [2, с. 496].

К этому же времени относится возникновение просветительского кружка саратовской интеллигенции. Кружок этот быстро расширялся и активизировался, чему в немалой степени способствовал Н.Г. Чернышевский, сумевший за короткое время приобрести большую популярность среди саратовцев.

Участники кружка (Н.И. Костомаров, Е.А. Белов, В.Г. Варенцов, А.И. Мордовцева-Пасхалова, Д.Л. Мордовцев, Н.А. Мордвинов, П.А. Ровинский и

многие другие) иронически именовали свои встречи «говорильнями». «Все интересное в области литературы, искусства, философии, педагогики, прочих наук, а также жгучие вопросы современности освещались и дебатировались. Каждая свежая книжка «Отечественных записок» разбиралась, что называется, по косточкам». «Разбуженные севастопольским погромом, наэлектризованные ожиданием реформ, все спешили составить себе правильные понятия, проверить все традиционное и, конечно, говорили, говорили и говорили» [2, с. 498, 501].

Как бы сегодня ни оценивали практическую деятельность участников просветительского движения в Саратове, главный вывод остается неизменным: вся их подвижническая работа целиком была посвящена великой и благородной задаче – распространению среди жаждущих основ научного знания, стремлению поднять и укрепить в сознании саратовцев авторитет и уважение к образованным людям. Отсюда становится понятным и вполне оправданным стремление многих современников и последующих поколений историков–краеведов связать воедино деятельность просветительского кружка и рождение мысли о необходимости учреждения в Саратове университета. Думается, не случайно в преддверии открытия Саратовского университета И.П. Горизонтов писал, обращаясь к согражданам: «Не пришло ли время... вспомнить о всех этих лицах – Чернышевском, Костомарове, Мордовцевой и Мордовцеве и помянуть память их хотя бы запоздалой благодарностью. Ведь так или иначе, а они – кто крылатым словесным призывом, а кто красноречивым печатным словом – сначала родили великую идею, а затем способствовали ее воплощению в жизнь» [3].

При отсутствии неопровержимых доказательств, историки по-разному могут относиться к подобным высказываниям. Однако игнорировать полностью то, что между учреждением Саратовского университета и просветительским движением 1850–х гг. вполне могла существовать духовная преемственность, невозможно. «Помимо значения общелитературного, – писал по этому поводу профессор Е. Бобров, – саратовский кружок» сыграл и выдающуюся местную роль. Несомненно, что именно с этих пор в интеллектуальном отношении Саратов начинает выдвигаться между соседними городами Поволжья, с «саратовского кружка» начинается та умственная жизнь города, которая, расширяясь и укрепая, достойно засвидетельствована в последние дни основанием в Саратове нового центра высшего просвещения, а именно десятого русского университета...» [4].

Таким образом, 50–е гг. XIX века можно по праву назвать той стартовой площадкой, с которой начинается отсчет многострадальной эпопеи ходатайств и всевозможных обращений в высшие государственные инстанции о скорейшем открытии в городе на Волге нового университета. При этом нельзя забывать, что «над осуществлением этой великой задачи работало несколько поколений. Все культурные и просвещенные элементы края, все местное общество в лице его лучших представителей, местная печать – все эти культурные силы день за днем, год за годом делали большое дело, работая над великой идеей» [5].

Первое дошедшее до нас официальное упоминание о желании «...дворянства и всех просвещенных сословий ходатайствовать об открытии в Саратове университета, хотя бы двух факультетов: юридического и камерального (коммерческого – В.С.)» содержится в отчете саратовского губернатора А.Д. Игнатьева за 1858 г. Обосновывая стремление саратовцев видеть свой город университетским, губернатор писал: «По населению, далеко превосходящему население Дерпта, Харькова, Вильно, Казани и даже Киева и по отдаленности от других университетов, Саратов, вместе с окружающими его дворянскими губерниями, нуждается в высшем учебном заведении [6].

Наибольшую остроту этот вопрос приобретает с 1860 г. В канун проведения важных экономических и политических преобразований во всех сферах общественной жизни, мысль о необходимости учреждения университета в Саратове все глубже и прочнее овладевала саратовцами. Горячее участие к общественным вопросам проявило и местное дворянское общество. «...Прекрасные дворянские выборы в Саратове, – говорилось по этому поводу в апрельской книжке «Отечественных записок» за 1861 г., – сопровождалась криком и гамом, и

часто дельные речи заглушались шиканьем и свистом; вообще же помещики показывали полнейшее равнодушие к общественным интересам. Нынешний раз даже такие помещики, которых многие годы не выезжали из столиц и засидевшиеся в глуши своих имений, поспешили явиться на выборы и заговорить об общественных интересах, принимая горячо к сердцу вопросы, которые, за несколько лет перед сим, казались им и странными, и смешными» [7].

На состоявшемся 15 декабря 1860 г. общем собрании, саратовское дворянство, «...рассуждая о пользах и нуждах своих, положило просить правительство... учредить в г. Саратове университет с двумя факультетами: юридическим и камеральным» [8]. Итоговым решением явилось постановление, подписанное «145 дворянами за исключением одного» [7, с. 32]: поручить Саратовской Городской думе вынести «Проект учреждения в Саратове университета» на рассмотрение городской общественности, после чего сообщить результаты в Губернское правление.

В представленном дворянским собранием «Проекте» обосновывалась крайняя необходимость в открытии нового высшего учебного заведения не только в интересах местного края, но и всей страны в целом. «... Учреждение в Саратове университета, – подчеркивалось в этом документе, – представляется сильным двигателем будущего процветания Юго-Восточного края. С одной стороны, значение университетов так важно и польза их так очевидна, а с другой – число их в России так ограничено в сравнении с пространством и народонаселением, что увеличение числа этих учреждений делается настоятельной потребностью нашего времени». От реализации высказанной идеи, отмечалось в заключении, «зависит просвещение, а с ним и благосостояние огромного пространства земли русской» [9].

Страна действительно остро нуждалась в открытии новых высших учебных заведений. Существовавшие в России в то время шесть университетов уже не в состоянии были выполнять качественно и в полном объеме возложенную на них миссию. А когда с течением времени на всех поприщах общественной жизни – в суде, земстве, школах, на государственной службе, печати еще более повысился спрос на людей образованных, стало особенно очевидно, что существующих очагов науки недостаточно, что высшее образование не является предметом роскоши, а составляет объективную необходимость для всякого государства, желающего сохранить свою независимость.

Реальная перспектива расширения университетского образования в стране появилась в середине 1863 г., когда с принятием нового университетского устава, возвращавшего учебным заведениям их былую автономию, российские университеты вздохнули свободнее. Но, что особенно примечательно, правительство не ограничилось лишь этим нововведением. В 1865 г. открыл свои двери Новороссийский университет в Одессе, в 1869 г. – Варшавский университет. В эти же годы в правительстве обсуждался вопрос об открытии университетов в Сибири и некоторых городах Европейской России.

Благоприятной ситуацией решили воспользоваться и саратовцы. 18 ноября 1867 г., по инициативе местного губернатора князя В.А. Щербатова, немало сделавшего для приобщения горожан к сокровищам мировой и отечественной культуры, было вновь предложено обсудить вопрос о пожертвованиях на университет с губернскими земскими управами соседних губерний [10]. Но, к сожалению, практических результатов эта акция не принесла.

После неудавшейся попытки В.А. Щербатова роль ходатая в университетском вопросе берет на себя в 1868 г. саратовское земство.

Наибольшую активность в этом деле проявил небезызвестный знаток местной старины, искренне радеющий за культурное процветание родного края Александр Иванович Шахматов.

9 декабря 1868 г. на очередном собрании губернского земства он выступил с обстоятельным докладом, в котором изложил свое видение проблемы. Посвятив выступление конкретным вопросам народного образования в губернии, А.И. Шахматов не мог не остановиться и на чисто практических выгодах от учреждения в городе университета. Помня о решительном отказе саратовского

общества купцов и мещан участвовать в погашении расходов на университет, он со всей ответственностью заявлял, что «купечество, ознакомляясь в реальном училище и университете с новейшими системами правильных коммерческих операций и требованиями европейской торговли, будет иметь возможность парализовать конкуренцию капиталов царьцынских и самарских» [11].

Что же касается непосредственно вопроса об университете, то Шахматов предложил несколько необычное его решение, а именно: ходатайствовать о выделении из Казанского университета двух факультетов – юридического и камерального – и переводе их в Саратов. С осуществлением этого плана, по его мнению, «должна быть переведена в Саратов и часть суммы, отпускаемой на них (факультеты – В.С.) государственным казначейством» [11, с. 676].

Представленный на обсуждение земства проект предусматривал, по сути дела, учреждение нового учебного округа с центром в Саратове, в ведении которого оказался бы весь Юго-Восток России. Если учесть, что аналогичное предложение в 1862 г. уже выдвигалось перед вышестоящими правительственными инстанциями (причем, по инициативе тогдашнего министра народного просвещения графа А.В. Головнина) [12], то постановка его в новых условиях вряд ли у кого-либо вызывала опасение в нереальности выдвигаемой задачи.

Выслушав доводы своего гласного, губернское земское собрание постановило: «...избрать для сего отдельную комиссию при губернской управе, под председательством губернского предводителя дворянства». В нее вошли шесть человек: Ф.И. Абакумов, П.Н. Корбутовский, П.И. Кокуев, Н.Н. Минх, А.И. Шахматов и А.Я. Шабловский. Кроме названных, в комиссию с правом решающего голоса было решено допустить «всех гласных и посторонних лиц, близко знакомых с настоящим предметом, а также принимать и рассматривать... все предложения, относящиеся до предмета народного образования» [11, с. 184].

Однако благородным порывам земства так и не суждено было сбыться. Тем не менее, общественность не отказалась от своей заветной мечты и, не смотря ни на что, продолжало настойчиво бороться за ее осуществление.

Обсуждение этого вопроса переносится из залов заседаний на страницы местных газет, а затем и центральной печати.

В 1869–1872 и в последующие годы с доводами в пользу открытия университета в Саратове неоднократно выступали С.С. Гусев, В.И. Дурасов и другие публицисты. Все они обосновывали своевременность и важность учреждения нового «светоча знаний» в Поволжском регионе, предлагали «начать сбор добровольных пожертвований; узнать от общественных и сословных представителей, насколько можно было бы рассчитывать на их условия займа ... и в этом случае... рассчитывать действительно на свои собственные средства, а не на чужие» [13].

Но наряду со сторонниками идеи учреждения в Саратове нового университета, в прессе активно выступали и настойчивые противники ее. К последним с полным основанием можно отнести заметки Н.В. Орлова и В. Свербеева [14]. Однако их публикации ни в коей мере нельзя сравнивать с дальнобойными «нравоучениями» известного саратовского историка, выходца из бедной семьи дьячка села Ртицево, сумевшего тем не менее успешно окончить словесный факультет Московского университета, Андрея Филипповича Леопольдова.

В вышедшей в 1869 г. брошюре А.Ф. Леопольдов разворачивает жаркую полемику с бывшим директором училищ Саратовской губернии и директором мужской гимназии С.О. Жолкевичем, осмелившимся в одной из своих статей обвинить его в глумлении над самой идеей просвещения. Причем доводы, используемые автором брошюры в качестве «веских и неопровержимых» аргументов, скорее походили на полицейский донос (не прошли даром годы службы в саратовской полиции!), нежели на выступление знающего оппонента. «Правительство, – писал Леопольдов, – вправе нам отказать в учреждении университета. ... За то, что мы дурно себя зарекомендовали. ... к величайшему позору и несчастью, в нашем районе родились два изверга (Н.Г. Чернышевский и

Д.В. Каракозов – В.С.)... Это геростраты в своем роде. Закон справедливо покарал их. Но история злопамятна. Как же вы, – упрекал автор Жолкевича, – после всего этого хотите, чтобы правительство забыло эти дела и, так сказать, влило еще масла в огонь?... Если бы знали, то забыли бы думать об учреждении в Саратове Университета. Он возможен, да не нужен» [15].

Через три года А.Ф. Леопольдов вновь возвращается к этой теме, посвятив ей также отдельную брошюру с претендующим на исключительность заглавием – «Последнее слово об учреждении в Саратове Университета». На сей раз, позабыв об элементарной скромности, избрав форму фельетонного пасквиля, сдобренного изрядной долей цинизма и надменного высокомерия, Леопольдов обрушил весь свой гнев на тех, кто, по его мнению, был нескончаемо далек от правильного понимания поднятого вопроса, да к тому же и просто слабы умом, «Не виноват же я, – писал разгневанный «борец за истину», – в том, что при раздаче талантов людям, вышал на вашу долю плохенький, дрябленький и вершковатый масштабик, коим вы измеряете одни безделушки и детские игрушки» [16].

Предприняв очередной демарш против сторонников открытия в Саратове университета, Леопольдов постарался внушить читателям мысль о том, что понастоящему сочувствующих этой идее в городе очень и очень мало, что всех их можно перечесть по пальцам. Не верил автор и в возможность добровольных пожертвований: «Иной земледелец отсыплет вам горсть меди; а иной, пожалуй, и ничего, отзываясь: теперь нам не до того...» [16, с. 9]. И уж совсем сомнительными представлялись ему сочувствие и материальная поддержка Пензы и Тамбова.

После изрядной доли насмешек и издевок автор в конце концов заключает: «Места для университетского здания нет, позволения правительства нет, денег нет, профессоров и подготовленных студентов нет, данных о нравственности и религии нет... Стало быть наша затея – воздушный замок. Надо погодить годков 50, а то и побольше» [16, с. 24].

Резкие выступления в печати таких авторов, как Леопольдов, Свербеев, Орлов и им подобных не могли пройти бесследно. Движение за открытие в Саратове университета заметно ослабевает. В немалой степени этому способствовало и «поправение» внутривполитического курса правительства Александра II. В обстановке обострившихся противоречий, вызванных социально-политическим кризисом в России на рубеже 1870–80-х гг., «...образовательное движение вначале оттесняется на второй план, а затем и вовсе замирает...» [17].

Ситуация изменилась к лучшему только к концу 1890-х гг., когда правительству стало не под силу сохранять существующее положение дел в университетском вопросе, когда невозможно было уже не замечать насущных потребностей времени.

После создания при Министерстве народного просвещения специальной комиссии по вопросу открытия в стране новых учебных заведений, многие губернские города стали претендовать на них. Саратовцы также обратились в правительство с ходатайством учредить в городе если не университет, то любой другой центр науки и культуры. Но все их попытки, начиная с 1896 г. по 1905 г., не увенчались успехом.

И лишь в 1906 г. вопрос о создании еще одного университета в России получает особенно энергичную поддержку во многих правительственных и государственных учреждениях, в том числе и в Министерстве народного просвещения. Поводом для этого послужили события, происшедшие в Варшавском университете, которые вынудили его профессорско-преподавательский состав временно законсервировать свою деятельность и озаботиться поиском места на территории коренной России, куда бы можно было эвакуировать учебные и научные подразделения бездействующего университета.

В целях выяснения обстоятельств, связанных с переводом Варшавского университета, а, по сути дела, для выработки законопроекта об учреждении нового университета, по распоряжению министра народного просвещения П.М. Кауфмана 22 ноября 1906 г. была образована особая комиссия во главе с профессором

В.П. Амалицким. В состав ее вошли также профессоры: Н.Н. Любович, И.П. Филевич, А.П. Щербаков и Г.Д. Демченко. Перед комиссией встала задача выяснить у представителей городского управления: «а) условия отпуска предлагаемого городом пособия на устройство и оборудование университета; б) наметить для предполагаемых университетских построек, а также ботанического сада, подходящие площади из числа предлагаемых городом; в) обсудить вопрос о необходимых временных помещениях для университета в первые годы его деятельности впредь до постройки постоянных учреждений...» [18].

Решение правительства было с интересом воспринято российской общественностью. По справедливому замечанию профессора И.А. Чуевского, «обнаружилось величайшее сочувствие к этому делу в самых разнообразных кругах населения, различных общественных организациях и со стороны отдельных лиц» [19]. Десять городов – Царицын, Самара, Минск, Витебск, Смоленск, Воронеж, Ярославль, Нижний Новгород, Астрахань и Саратов – выдвинули свою кандидатуру на право открытия у себя университета.

Перед членами комиссии встал нелегкий вопрос, какому городу, из числа претендующих на высшее учебное заведение, отдать предпочтение? По мнению комиссии, «...только сильный, богатый и культурный центр в состоянии обеспечить влияние на окраины и связать их с собой неразрывными нитями духовной и материальной культуры» [18, л. 150 об.].

Располагая обширным материалом, комиссия внимательно рассматривала все поступавшие к ней предложения. И после нелегких раздумий целесообразней открывать университет было признано не на Северо-Западе, не в Центрально-Черноземной полосе, а на Юго-Востоке страны, естественным природным и культурным центром которого являлся Саратов.

Блестящую победу Саратова в напряженной и упорной борьбе десяти городов за право обладания университетом нельзя считать случайной, или кем-то заранее предопределенной. Наряду с существенной поддержкой горожан со стороны отдельных влиятельных персон – председателя Совета министров П.А. Столыпина, министра народного просвещения П.М. Кауфмана, члена Государственного Совета М.Н. Галкина-Враского, Саратов выгодно выделялся на общем фоне и по многим другим, чисто объективным факторам. Известно, например, что к этому времени он был самым большим городом Поволжья; в нем функционировали более 100 учебных заведений (20 средних и 80 низших), 6 библиотек, 11 ученых обществ, 8 периодических изданий, Радищевский художественный музей – первый общедоступный в России, театры. Одно из первых мест занимал Саратов и по торгово-промышленному обороту, и по внешнему благоустройству [18, лл. 6–6 об., 163 об., 164 об. – 165, 168, 236 об.].

Во всем, что касалось в дальнейшем учреждения университета в Саратове, чувствовалась томительная неопределенность. Очевидным оставалось лишь одно: ни в 1907, ни в 1908 гг. он открыт не будет. Более того, саратовцев ожидала неприятная неожиданность. Вместо предусмотренных уставом 1884 г. четырех факультетов (медицинского, физико-математического, историко-филологического и юридического) в окончательном варианте законопроекта значился лишь один – медицинский факультет.

Новый министр народного просвещения А.Н. Шварц объяснял такое решение нехваткой в России профессорских кадров и финансовыми проблемами. При этом его невозможно упрекнуть в предвзятости, так как он исходил из реально существовавшего положения дел. Так, по данным В.П. Яковлева, «в 1908 г. в девяти университетах пустовала пятая часть кафедр – 114. Из 81 кафедры на историко-филологических факультетах пустовали 23, на юридических из 114 – 36; из 70 кафедр физико-математических факультетов не занято 20, на медицинских из 75 – 30, на восточном из 10 – 5. Причиной такой нехватки научных кадров, – резюмирует автор, – была ничтожность ассигнований на их подготовку, даже третьейиюнская Дума была поражена нищенством на ниве просвещения и в июне 1909 г. кредитовала на подготовку к профессорскому званию 100 000 руб. вместо 75 000, просимых министерством» [20].

И все же саратовцы чувствовали себя предательски обманутыми, так как «со Стольпиным, Кауфманом, Герасимовым, Амалицким, варшавскими профессорами речь шла о полном университете. Когда говорили со Шварцем, то об одном факультете не было и намека. В совещаниях с членами Государственной Думы Саратовский университет представлялся в полном объеме со всеми четырьмя факультетами». Поэтому, как вспоминал впоследствии М.Ф. Волков, «такой вероломный подвох и лицемерие Шварца, заверявшего нас, что он сочувствует основанию нового высшего рассадника просвещения, конечно, возмутил всех нас. По его адресу сказано немало негодующих речей, к сожалению, за глаза» [21].

Как бы там ни было, но 31 ноября 1908 г. законопроект «Об основании университета в г. Саратове и отпуске средств на этот предмет» был, наконец, внесен министром народного просвещения на рассмотрение в Государственную Думу. Документ предусматривал:

«1. Учредить в г. Саратове университет и открыть действие такового в 1909 г. в составе одного медицинского факультета.

2. Впредь до издания нового устава и штатов императорских российских университетов, распространить на Саратовский университет действие устава 1884 г. На сооружение и оборудование университетских зданий ассигновать из сумм государственного казначейства, начиная с 1909 г. в течение 5 лет, 3.206.709 р.» [19, с. 68].

Потребовалось еще четыре долгих и томительных месяца, чтобы законопроект об открытии Саратовского университета был утвержден Государственной Думой. Столь знаменательное событие произошло 8 мая 1909 г. [22].

В том же году вопрос о Саратовском университете в течение целой недели, с 1 по 7 июня 1909 г., являлся предметом обсуждения членов Государственного Совета. Здесь, так же как и в Государственной Думе, разгорелись нешуточные дебаты. В лице сенаторов обсуждаемый законопроект встретил как жарких и последовательных сторонников, так и не менее активных и настойчивых противников, искренне полагавших (как, например, бывший министр внутренних дел П.Н. Дурново), что в таком важном и сложном деле спешить с принятием окончательного решения не следует: «Ведь не неприятель же нападает на молодежь, чтобы она нигде не нашла спасения, кроме Саратова...» [23].

Однако, благодаря совместным усилиям многочисленных защитников, и прежде всего поддержке председателя бюджетной комиссии профессора М.М. Алексеенко, профессора М.М. Ковалевского, а также министра народного просвещения А.Н. Шварца и целого ряда других, законопроект большинством голосов (81 против 52) Государственным Советом был одобрен [23, л. 55]. А через три дня, 10 июня 1909 г., на императорской яхте «Штандарт», поддержанный депутатами обеих законодательных палат, документ собственноручно подписал и Николай II, выведя каллиграфическим почерком слова: «Быть по сему» [19, с. 68].

Так завершилась долгая и многотрудная эпопея борьбы передовой саратовской интеллигенции за право обладания десятым российским университетом. Непросто далась им эта победа. Минуло более полувека, прежде чем идея о необходимости создания на саратовской земле университета обрела форму законодательного акта. Всевозможные ходатайства и обращения местных жителей в высшие правительственные учреждения, не встречая должного понимания, долгое время оставались без ответа. Не учитывалось (по крайней мере, в отношении окраинных регионов) то обстоятельство, что Россия, приступив к решительным преобразованиям в общественной, экономической и политической жизни, вступала тем самым в новую эпоху, требовавшую большего числа образованных и подготовленных к практической деятельности специалистов.

Общий взгляд на проблему изменился лишь с началом XX в., но не благодаря, а скорее вопреки желанию правящей элиты, не без основания считавшей университеты одним из опаснейших источников массовых беспорядков в стране. Не случайно поэтому, что определенная часть общества при открытии Саратовского университета лелеяла мечту о том, что он послужит не только чистой науке, но и общественному оздоровлению региона. В университете они

усматривали «творчески-жизненное начало, которое должно изменить темп жизни: больного превратить в здорового, дряблого – в сильного, инертного обывателя сделать правомочным гражданином». Одни ждали от него равенства прав, другие – равенства вер [24].

То, что законопроект о создании университета в Саратове был одобрен российскими законодателями и подписан царем в ближайшие за первой российской революцией годы, уже само по себе являлось неординарным событием. В итоге Саратовский университет оказался единственным, открытым в царствование последнего российского самодержца, считавшего, что в дальнейшем расширении университетского образования Россия не нуждается [25].

Библиографический список

1. *Вульфсон Г.Н.* Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале. Казань, 1974. С. 174.
2. *Юдин П. Е.А.* Белов: По случаю десятилетия со дня его кончины // Русская старина. 1905. Кн. 12 (СХХІУ). Декабрь. С. 495.
3. Саратовский вестник. 1909. 29 ноября.
4. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407 (СУАК). Оп. 2. Д. 698 а. Л. 199.
5. Саратовский вестник. 1909. 6 декабря.
6. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1408. Л. 69 об. – 70.
7. Отечественные записки. 1861. Апрель. Т. 135. С. 31.
8. ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4763. Л. 4.
9. ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3665. Л. 5, 7.
10. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 883. Л. 47.
11. Систематический сборник постановлений Саратовского губернского земского собрания. 1866–1882 г. Саратов, 1884. С. 674.
12. См.: Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии. Саратов, 1908. Вып. ХХІУ. С. 110–122.
13. Саратовский листок. 1872. 25 июня.
14. См.: Саратовский листок. 1872. 30 июня; 4 июля.
15. *Леопольдов А.Ф.* Ответ г. Жолкевичу на его статью. Саратов, 1869. С. 3, 6–7.
16. *Леопольдов А.Ф.* Последнее слово об учреждении в Саратове Университета. Саратов, 1872. С. 3–4.
17. *Ивановский В.Н.* Движение к распространению университетского образования в России. М., 1909. С. 10.
18. ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2344. Л. 20.
19. *Чуевский И.А.* Торжество открытия Императорского Николаевского университета в г. Саратове 1909 года 6 декабря. Саратов, 1910. С. 60.
20. *Яковлев В.П.* К истории создания университета в Саратове // Поволжский край. 1973. Вып. 2. С. 163.
21. *Волков М.Ф.* История учреждения Саратовского университета и Саратовская Городская дума. 1906–1909 гг. Машинопись // Саратовский краеведческий музей. Коллекция П.А. Козлова–Свободина. № 27745. С. 218, 221.
22. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1158. Оп. 1. Д. 188. Л. 2.
- Государственная Дума. Стенографические отчеты. III созыв, сессия II. ч. 4. Стб. 909.
23. РГИА. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 188. Л. 54.
24. Саратовский листок. 1909. 6 декабря.
25. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 749. Л. 84 об.; *Шварц А.Н.* Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 60–61.

*Саратовский государственный
университет*

Поступила в редакцию 23.11.98

**FOR THE SAKE OF «MANKIND'S EDUCATION»:
TO THE HISTORY OF THE UNIVERSITY FOUNDATION IN SARATOV**

V.A. Solomonov

The article is devoted to the period, preceding official opening of the university in Saratov. Chronologically it ranges from the end of the 50s (19th Century), when the idea of foundation a university arose among progressively thinking intellectuals of Saratov, closely connected with N.G.Tchernishevsky, till the elaboration and final approval of the bill about its foundation in the highest governmental departments in 1909.

Соломонов Владимир Анатольевич – родился в 1962 г. в Балашове Саратовской области. Окончив в 1989 г. исторический факультет СГУ, работал в Саратовском государственном техническом университете, в настоящее время – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России СГУ. Автор более 20 печатных работ по истории высшего университетского образования в России, специалист по вопросам дореволюционной истории Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, активно занимающийся в этой области сбором и публикацией первоисточников.